

И. В. Кузьмина, П. А. Пантуев

«Скорее делайте Ваше жизненное дело в России!»: письма святителя Николая Японского к Сергею Александровичу Рачинскому

УДК 271.224(520)-726.1(093.3)+37(470+571)(092)
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_198
EDN LSMKLF

Аннотация: В научный оборот вводятся письма святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского, известному педагогу XIX в. Сергею Александровичу Рачинскому. Десять писем, сохранившихся в фонде С. А. Рачинского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, написаны в период с 1884 по 1901 г. Во вступительной статье к публикации на основе дневниковых записей, официальной и частной корреспонденции начальника Российской духовной миссии в Японии раскрывается история его взаимоотношений с Рачинским. Основатель Японской Православной Церкви архиепископ Николай был земляком «татевского учителя»: оба они родились в Бельском уезде Смоленской губернии. Их переписка, начавшаяся предположительно в 1881 г., была прервана лишь смертью Рачинского в 1902 г. Большая часть публикуемых писем касается судьбы учеников Токийской духовной семинарии — японцев, которых владыка Николай отправлял в Россию продолжать духовное образование. Часть упоминаемых в письмах студентов, в частности, Сергей Сёдзи, Иоанн Кавамото (Сэнума), Арсений Ивасава, нередко посещали Рачинского в Татеве. Еще одна тема писем святителя — его размышления о роли христианского образования в воспитании высококонравственных деятелей, которые должны были, по его мысли, принять потом активное участие в жизни Российской империи и Русской Православной Церкви. Также владыка Николай в посланиях Рачинскому рассуждает о личности педагога и качествах, которыми он должен обладать. Публикуемые письма ясно иллюстрируют, что корреспонденты были единомышленниками: их объединяла не только идея христианского просвещения, но и общность избранного метода. Архиепископ Николай готовил миссионеров и священников для проповеди в Японии, С. А. Рачинский — учителей и священников для христианского просвещения России.

Ключевые слова: С. А. Рачинский, святитель Николай Японский, письма, Японская Православная Церковь, Российская духовная миссия в Японии, христианское просвещение, Сергей Сёдзи, Иоанн Кавамото, педагогическая деятельность, Токийская духовная семинария.

Об авторах: **Ирина Владимировна Кузьмина**

Вр. и. о. заведующего кафедрой истории и гуманитарных дисциплин Николо-Угрешской духовной семинарии; соискатель Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: niha071@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9864-1743>

Петр Андреевич Пантуев

Аспирант кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

E-mail: ppantuev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2502-4821>

Для цитирования: Кузьмина И. В., Пантуев П. А. «Скорее делайте Ваше жизненное дело в России!»: письма святителя Николая Японского к Сергею Александровичу Рачинскому // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 198–221.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2024

Irina V. Kuzmina, Petr A. Pantuev

“Hurry Up and Do Your Life’s Work in Russia!”: Letters of St. Nicholas of Japan to Sergei Alexandrovich Rachinsky

UDK 271.224(520)-726.1(093.3)+37(470+571)(092)
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_198
EDN LSMKLF

Abstract: Letters of St. Nicholas, Equal-to-the Apostles, Archbishop of Japan, to the famous teacher of the 19th century Sergey Alexandrovich Rachinsky are introduced into scientific circulation. Ten letters extant in S. A. Rachinsky fund at the Department of Manuscripts of the Russian National Library were written from 1884 to 1901. The introductory article to the publication reveals the history of his relationship with Rachinsky based on the diaries, official and private correspondence of the head of the Russian Spiritual Mission in Japan. Archbishop Nicholas, a founder of the Japanese Orthodox Church, was a fellow countryman of the “Tatevo teacher”: both of them were born in the Belsky district of the Smolensk province. Their correspondence that presumably started in 1881 was interrupted only by the death of Rachinsky in 1902. Most of the published letters concern the fate of Japanese students of Tokyo Theological Seminary, whom Vladyka Nicholas sent to Russia to continue their theological education. Some of the students mentioned in the letters, in particular, Sergiy Shoji, John Kawamoto (Senuma), Arseny Iwasawa, often visited Rachinsky in Tatevo. Another topic of the saint’s letters was his reflections on the role of Christian education in formation of highly moral leaders who then, in his opinion, were to take an active part in the life of the Russian Empire and the Russian Orthodox Church. Also, in his letters to Rachinsky, Vladyka Nicholas discusses the personality of a teacher and the qualities that he must possess. The letters published clearly illustrate the fact that Archbishop Nicholas and Rachinsky were like-minded people: they were united not only by the idea of Christian education, but also by the same method chosen. Archbishop Nicholas trained missionaries and priests for preaching in Japan, and S. A. Rachinsky instructed teachers and priests for the Christian enlightenment of Russia.

Keywords: S. A. Rachinsky, St. Nicholas of Japan, letters, Japanese Orthodox Church, Russian Spiritual Mission in Japan, Christian education, Sergius Shoji, John Kawamoto, teaching activities, Tokyo Theological Seminary.

About the authors: **Irina Vladimirovna Kuzmina**

Acting Head of the Department of History and Humanities at the Nikolo-Ugreshsky Theological Seminary; Postgraduate of the St. Petersburg State University.

E-mail: nihao71@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9864-1743>

Petr Andreevich Pantuev

Postgraduate Student of the Department of Russian History of the Faculty of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University.

E-mail: ppantuev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2502-4821>

For citation: Kuzmina I. V., Pantuev P. A. “Hurry Up and Do Your Life’s Work in Russia!”: Letters of St. Nicholas of Japan to Sergei Alexandrovich Rachinsky. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 3, pp. 198–221.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Переписка св. равноап. Николая, архиепископа Японского, и Сергея Александровича Рачинского продолжалась почти 20 лет. На сегодняшний день известно местонахождение лишь тех писем, которые были отправлены свт. Николаем. Они сохранились благодаря тому, что Рачинский тщательно собирал всю поступающую ему корреспонденцию, брошюровал письма в хронологическом порядке и составлял их описи. Переплетенные тома, которых составилось более ста, Рачинский завещал Императорской публичной библиотеке (ныне – Российская национальная библиотека).

Письма свт. Николая Японского хранятся в архиве С. А. Рачинского среди другой корреспонденции. Их сохранилось 10, и по их содержанию можно предположить, что всего в двусторонней переписке было около 20 писем. Лишь отдельные фрагменты из них цитировались в научной литературе¹.

Эта переписка началась после знакомства еп. Николая и С. А. Рачинского в 1880 г. За все время служения в Японии, с 1861 г., свт. Николай покидал ее лишь дважды: в 1869–1870 и в 1879–1880 гг. Знакомство с «татевским учителем» произошло во время его последней поездки в Россию.

Первое упоминание о Рачинском в дневниках свт. Николая встречается в записи от 28 октября / 9 ноября 1879 г.: «На столе нашел, в числе других, записку К. П. Победоносцева о С. Рачинском» (Собрание, т. 4, 2020, 55). В Рождество 1880 г. архим. Николай встречается с Победоносцевым лично, и тот вновь напоминает ему о Рачинском (см.: (Собрание, т. 4, 2020, 87)).

Знакомство состоялось 26 июня / 8 июля 1880 г. В этот день еп. Николай находился в пути из Ржева в родное село Береза. Он запишет в дневнике: «В 7-м часу были в Татеве, и здесь у усадьбы Рачинского, против сада, коренная лошадь с каким-то визгом разом повалилась и испустила пар. Отчаяние ямщика и помощь случившихся поблизости мужиков. Я поневоле увиделся с С. А. Рачинским, хотя намеревался заехать к нему на обратном пути. В его тарантасе отправился домой» (Собрание, т. 4, 2020, 276). И на следующий день: «С. А. Рачинскому обещался быть у него в понедельник» (Собрание, т. 4, 2020, 276).

В понедельник, 30 июня / 12 июля, еп. Николай запишет: «...часу во 2-м были в Татеве. Обед. Великолепный сад. Ожидание сбора учеников и прогулка по саду. Училище действительно образцовое. Прежде того – в церковь, где ученики пели литию; в школе пели концерт, Херувимскую и проч. Точно – очарование. Мужиченки, поющие труднейшую музыку...» (Собрание, т. 4, 2020, 278).

Два упомянутых визита свт. Николая в Татеве, произошедшие в конце июня 1880 г., стали его первой и последней личной встречей с «татевским учителем». Однако именно это краткое знакомство положило начало их переписке и многолетнему сотрудничеству.

Вскоре после знакомства Сергей Александрович, возможно, пишет письмо еп. Николаю, в котором сообщает о своем решении передать 100 руб. на годовое содержание одного из учеников Токийской семинарии. 15 сентября 1881 г. это пожертвование было получено в Российской духовной миссии в Японии через К. П. Победоносцева (см.: (Собрание, т. 1, 2022, 372)).

Существует версия, что в этом же письме Рачинским «было выражено пожелание, чтобы стипендиат при Крещении взял себе имя его отца Александра и со временем был бы рукоположен в священники» [Орехов, 2018, 57], и называется имя такого крестника – Мацуи Тосиро (во Св. Крещении – Александр). Но эта гипотеза не находит подтверждения: Мацуи принял Крещение до знакомства святителя с С. А. Рачинским (в отчете Российской духовной миссии в Японии за 1878 г. в списке воспитанников семинарии указан Александр Мацуи, см.: (Собрание, т. 1, 2022, 293)).

¹ Фрагмент письма владыки Николая к С. А. Рачинскому от 18 марта 1901 г. приводится в книге Н. А. Павлович [Павлович, 2015, 127–128]. Упоминание о переписке также есть в книге свящ. Романа Савчука [Савчук, 2022, 161]. Фотокопия одного из писем была представлена в работе И. В. Ушаковой [Ушакова, 2024].

Но просьба о крестнике-японце существовала. В письме от 16 августа 1884 г. свт. Николай сообщает Рачинскому о выполнении его поручения: Сергей Сёдзи, один из воспитанников Токийской семинарии, принял Св. Крещение с именем Сергей, т. е. был наречен именем самого Сергея Александровича.

С этого эпизода начинается переписка между великим миссионером и знаменитым педагогом. Первое публикуемое ниже письмо еп. Николая, датированное 16 августа 1884 г., написано очень горячо, в нем выражается вера в дело христианского просвещения России. Святитель, как и Рачинский, признавал, что именно просвещение русского народа даст стране столь необходимых ей воспитанных в православной вере деятелей, в том числе миссионеров. Сам Сергей Рачинский считал, что школе, отрешенной от Церкви, не по силам задача образовывать русский народ в русле того высокого нравственного идеала, который делает его христианским (см.: (Рачинский, 1883, 18–19)).

Ни одного из ответов Рачинского, как уже было сказано, не сохранилось. Но в 1885 г., через несколько месяцев после получения письма от еп. Николая, Рачинский публикует в газете «Русь» статью «Sursum corda!» (Рачинский, 1885). Этот текст ни разу не переиздавался с той поры. Между тем он имеет практически программное значение для деятельности Рачинского.

Свою мысль Рачинский начинает с описания положения дел в государстве. Россия переживает эпоху, сравнимую с эпохой Реформации в Западной Европе, — пишет он, — «Еще одно поколение — и вся Россия будет грамотна» (Рачинский, 1885, 5). Народ ищет ответа на те вопросы «жизни и духа», ответы на которые, по убеждению Рачинского, дадут ему Священное Писание и богослужебные книги.

Главный призыв Рачинского (отраженный в названии статьи — литургическом возгласе «Горе имеем сердца!») обращен к интеллигенции. «Нужно чтобы люди с высшим образованием, с обеспеченным остатком, не принадлежащие к касте духовной, принимали на себя, по одной любви к Богу и ближнему, крест священства», — пишет он. Такие сельские священники из высших слоев общества, которые займутся и преподаванием в сельской школе, могли бы, в свою очередь, способствовать подготовке и отбору кандидатов в священники из крестьянских детей. «Много ли таких людей? Их не нужно много. Вспомним притчу о квасе, притчу о зерне горчичном!» — заключает Рачинский (Рачинский, 1885, 6).

Итак, публикуя статью «Sursum corda!», Рачинский стремится пополнить ряды сельского духовенства и тем найти себе помощников в деле народного образования. Он считает, что короткая эпоха распространения грамотности среди крестьян дает Церкви возможность просветить народ в церковном духе. Это возможно сделать через сельские церковные школы, в которых и будут преподавать священники.

Можно заметить, что владыку Николаю и С. А. Рачинского сближала идея христианского просвещения, точнее — подготовки кадров, подходящих для этой задачи. Деятельность Рачинского была направлена на подготовку священников и учителей. Святителя Николая беспокоили вопросы подготовки священников и миссионеров, в том числе для христианской проповеди в Японии.

Отсутствие необходимого числа миссионеров из России привело начальника Российской духовной миссии к мысли о возможности готовить таких проповедников из числа японских православных христиан. Для этого в миссии были учреждены учебные заведения — Токийская духовная семинария, катехизаторское училище, — которые готовили катехизаторов для проповеди Христовой веры среди японцев. Наиболее перспективных и одаренных святитель предполагал направлять в Россию для продолжения обучения в высших духовных учебных заведениях (РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1422а. Л. 25). Всего с 1870 по 1917 г. в Россию для обучения в духовных академиях были отправлены 18 выпускников Токийской семинарии².

² Число может быть неточным, так как отсутствуют полные данные за 1912–1917 гг. Более подробно информация о японских студентах в духовных академиях до 1910 г. изложена в статье Н. Ю. Суховой [Сухова, 2014, 78–97].

Святитель заботился о том, чтобы в России японские юноши могли увидеть пример жизни людей, воспитанных в православной вере. Как писал один из таких студентов, Арсений Ивасава, «Преосвященный Николай послал нас сюда, в Россию, не для того только, чтобы слышать лекции и читать книги, написанные мертвыми буквами, но смотреть живыми глазами на живое дело, так как унция примера весит более фунта теоретических правил» (ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 33. Л. 90). В этих целях владыка обращался к своим знакомым — иерархам и священникам Русской Церкви, известным государственным и общественным деятелям, — чтобы они помогли японским студентам возрастать в духе христианского благочестия. Одним из таких адресатов был С. А. Рачинский.

Почти все публикуемые ниже письма содержат размышления и просьбы святителя о японских юношах, направленных в Россию. В них упоминаются три студента — воспитанники Санкт-Петербургской духовной академии Сергей Сёдзи и Арсений Ивасава и выпускник Киевской духовной академии Иоанн Кавамото. В своих посланиях начальник миссии просит Сергея Александровича принять их в Татево, познакомиться с учениками татевской школы, помочь адаптироваться в новой для них обстановке.

Вместе с тем большая часть писем еп. Николая посвящена судьбе Сергея Сёдзи. В судьбе своего крестника С. А. Рачинский принимал значительное участие. Так, в 1887 г. Рачинский по просьбе владыки Николая обращается к обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву и ходатайствует, чтобы Сёдзи был принят в одну из российских духовных академий на казенный счет. Во время обучения в Академии крестник Рачинского часто виделся со своим крестным отцом, посещал школу в Татево и проводил там каникулы. В 1891 г. Сергей Александрович помогает ему опубликовать статью «Как я стал христианином» и пишет к ней предисловие (Сёдзи, 1892). В фонде РНБ сохранилось немало писем Сёдзи к своему крестному отцу (ОР РНБ. Ф. 631).

Однако в письме от 15/27 апреля 1895 г. владыка Николай с глубокой печалью сообщает Сергею Александровичу, что Сергей Сёдзи покинул церковную службу, для которой он готовился, менее чем через год от ее начала. Святитель связывал происшедшее именно с отсутствием твердой дисциплины в духовном учебном заведении, следствием чего и стало отпадение от той цели обучения, ради которой Сёдзи поехал в Академию. На основе такого печального опыта с Сёдзи и некоторыми другими японскими выпускниками академий владыка Николай принимает решение более не посылать воспитанников Токийской семинарии в Россию (см.: (Собрание, т. 6, 2023, 527)).

В этом же письме от 15/27 апреля 1895 г. святитель сообщает Рачинскому, что для улучшения преподавания и воспитания в Токийской духовной семинарии он принял решение о назначении инспектором семинарии выпускника Киевской духовной академии Иоанна Кавамото.

Это письмо — одно из тех посланий святителя, где он рассуждает о роли педагога и воспитателя в жизни учащихся. Для св. равноап. Николая педагог — это не только тот, кто обучает различным наукам. Главное — чтобы он воспитывал и наставлял подрастающее поколение с любовью и твердостью. По мысли владыки Николая, учитель должен быть для учеников отцом и другом, который отдает за них свою душу. В этом святитель был полностью согласен с Рачинским: учитель должен гореть идеей высокого призвания и вдохновлять своих воспитанников.

У начальника миссии был перед глазами хороший пример такого педагога и воспитателя среди его сотрудников — начальница женской школы при миссии Анна Канно. Несмотря на достаточно пожилой возраст, она входила во все дела вверенного учебного заведения (владыка очень образно описывает ее деятельность в письме), наставляла и направляла своих воспитанниц в последующей жизни.

В письме владыка Николай выражает мнение, что Иоанн Кавамото смог бы стать таким же педагогом-воспитателем для Токийской семинарии и катехизаторского училища. Поэтому он просит Рачинского принять Кавамото в Татево, показать ему воспитательное дело, рассказать, как оно ведется, и дать необходимые советы для дальнейшей его деятельности на посту инспектора.

К этому посланию святитель приложил ответное письмо Кавамото на свое предложение занять пост инспектора семинарии (см.: [Кузьмина, 2023, 122–129]). Но Рачинского также заинтересовало и само письмо владыки Николая с этим предложением. Он просит Кавамото переписать его, о чем упоминает в письме К. П. Победоносцеву: «Он [Кавамото] переписывает для меня обширное и превосходное письмо Преосв. Николая — программу своей будущей деятельности. Этот документ будет интересен и для Вас, заслуживал бы распространения в духовно-педагогическом мире» [Орехов, 2018, 63]. Фонд Рачинского в Российской национальной библиотеке содержит также листы с исправлениями, которые внес переписчик после окончания своей работы (ОР РНБ. Ф. 631 Д. 82. Л. 232–232 об.).

В письмах Рачинскому, датированных сентябрем 1900 г. и маем 1901 г., свт. Николай просит Сергея Александровича принять как пожертвование на школьное дело его годовую пенсию. Об этом сам Рачинский писал К. П. Победоносцеву: «Получил я трогательное письмо от Преосв. Николая (Японского). Поручает он мне свою орденскую пенсию (200 р. в год) — на школьные нужды соседнего с нами прихода, в коем он родился...» (ОР РГБ. Ф. 230. Оп. 4418. Д. 1. Л. 107). В дневнике св. равноап. Николая Японского от 1/14 января 1901 г. есть запись о получении им письма от Рачинского с сообщением, что его премия в 200 руб. была направлена на нужды Жиглицкой школы, а именно на строительство нового здания. Владыка Николай с радостью поддержал решение педагога.

Последнее письмо архиеп. Николаю С. А. Рачинский написал, по всей видимости, в конце 1901 г. В дневнике свт. Николая Японского есть запись от 1/14 января 1902 г.: «После Литургии еще получил письмо С. А. Рачинского, вместе с его брошюрой: Absit Omen» (Дневники, т. 4, 2004). Статья Рачинского «Absit omen», посвященная критике проекта реформы средней школы в России, была последним произведением, которое он опубликовал³.

2/15 мая 1902 г. Рачинский умер в Татеево. Владыка Николай, узнав о смерти Рачинского, запишет в дневнике 14/27 июня: «Истинно до глубины души опечалило это грустное известие. Один из лучших сынов России отошел в вечность. Кто заменит его в его идеально-прекрасном служении русскому народу? Вот таких-то просветителей нужно нашему народу, чтобы он перестал быть темным людом, губящим себя в расколе, в бунтах, подобных недавнему Полтавско-Харьковскому, в пьянстве, и стал истинно великим народом. Пошли Господи их!» (Дневники, т. 4, 2004).

Текст писем св. равноап. Николая, архиепископа Японского, С. А. Рачинскому публикуется по оригиналам, хранящимся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 631). Письма были выявлены авторами данной статьи в 2023–2024 гг. Для удобства чтения текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии и, частично, пунктуации. Исправлены некоторые ошибки, не нарушающие смысла оригинального текста. Даты приводятся по старому стилю.

Письмо № 1⁴

Л. 80
16 августа 1884 г.
Тоокёо
Российская духовная миссия

Высокоуважаемый Сергей Александрович!

Тщетно я стал бы извиняться пред Вами в молчании: нет слов и резонов оправдать мою вину; мне остается только краснеть и чувствовать крайнюю неловкость. Конечно,

³ Данная брошюра С. А. Рачинского увидела свет в 1901 г. (Рачинский, 1901). В 2019 г. она была переиздана (Рачинский, 2019).

⁴ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 28. Л. 80–83.

не недостаток уважения к Вам причиной моего молчания: воспоминание о Вас, вместе со всем, что я видел в Татево, — одно из самых светлых и дорогих для меня. Но жизнь как-то складывается так, что ко множеству других грехов и проступков нечувствительно приходится присоединить и неаккуратность в корреспонденции. Здесь, так сказать, плывешь по течению, совершенно независимо от своей воли. Письмо из России толкнет тебя как нечто совсем постороннее той волны, // (Л. 80 об.) которая несет, — как встрепенешься, как обрадуешься! Но дремлющие потребности текущей жизни не дадут мысли и чувству надолго уклониться от обычной колеи, — и письмо отодвигается в область минувшего, а впечатление от него — в область приятных воспоминаний. И вот таким-то образом я в вечной провинности и пред Вами, и пред многими еще!

Впрочем, поручение Ваше я исполнил тогда же. Крестник у Вас есть: Сергей Сёodzi⁵, ученик здешней семинарии. Тогда же, после Крещения, он снял фотографию, чтобы представить ее Вам. А ныне имеет и другую, и что-то пишет; сомневаюсь, чтобы Вы нашли его письмо вразумительнее, чем если бы оно написано понятнее. Не вздыхайте — всего 3-й год учится по-русски, при обязанности в то же время еще сильнее прилежать к изучению своего родного и китайского языков. При том же я с сожалением должен сказать, хотя он и старательный // (Л. 81) мальчик, но не из первых по успеваемости. Только по пению он — лучший в школе: владеет отличнейшим сопрано, который еще и до сих пор не совсем утратил. В нравственном отношении также мальчик хороший и искренний: если в чем провинится, то сам же, по внутреннему побуждению, не умедлит заявиться с раскаянием, причем, обыкновенно, ужасно расплачется, так что его же приходится утешать.

Что касается до стипендии на содержание Вашего крестника, то 100 рублей, отправленных Вами чрез посредство К. П. Победоносцева, я своевременно и с глубокой благодарностью получил. Но так как эта сумма получена в виде русской кредитной ассигнации, здесь не имеющей хода, — заменять же ее с большим уроном здесь, или возвращая для того в Россию, до сих пор не предстояло настоятельной надобности, — то я и храню эти деньги не издержанными. Коль скоро почувствуется крайность, и они будут израсходованы, разумеется, на // (Л. 81 об.) содержание Вашего крестника (входящее теперь в общую сумму, ежегодно даруемую от Русской Церкви), то я не умедлю прибегнуть к Вам с просьбой о продолжении помощи.

Здешнюю Церковь Бог хранит и помогает Ей понемногу расти, молитвами старших наших братий и сестер Русской Церкви. На нынешнем Соборе⁶, в начале минувшего июля, оказалось, что за последний год, с Собора прошедшего года, просвещены Св. Крещением 1262 человека. Всех православных японцев ныне 9981; катехизаторов 94, японских священников 9, диаконов 2. Только миссионеров, по-прежнему, несоразмерно и обидно мало: всего 3. Что значит это число в сравнении с 400 инославных, рассеянных по всяким уголкам Японии!

Скорее, дорогой Сергей Александрович, делайте Ваше жизненное дело в России! Вы наложили руку на дело, важнее которого теперь нет в нашем Отечестве: образовывать народ! Россия в настоящее время — крупнейшее, // (Л. 82) почти совсем инертное тело с несоразмернейше маленькой и притом уродливой головой. От того-то у нас и нет людей ни на одном поприще. Откуда же и быть им? Из золотушной головы? По Юпитеру и Минерва — по Сеньке шапка! А Вы вот в одном Татево только сколько открыли золотой руды! Но таковая везде: вся Россия сплошь — золотая россыпь.

⁵ Сёodzi (Сёdzi) Сергей (1869–1936), японский христианин, крестный сын С. А. Рачинского. Автор книги «Как я стал христианином» (1891). Выпускник СПбДА (1893). В 1894 г., после возвращения в Японию, оставил службу в Токийской духовной семинарии.

⁶ В 1874 г. в Токио было создано миссионерское совещание, в котором участвовали 8 человек. С этого времени появилась традиция ежегодного созыва Собора Японской Православной Церкви. Подробная информация о ежегодных Соборах Японской Церкви приводится в официальных рапортах начальника Российской духовной миссии в Японии еп. Николая (Касаткина) (Собрание, т. 2, 2018, 273–279), в статьях свщ. Дионисия Гордеева и А. А. Климовой [Гордеев, Климова], иером. Николая (Оно) [Николай Оно, 2018, 66–74].

Скоро ли же, о, скоро ли хоть малая часть этого несметного богатства поступит в оборот! Тогда будут у нас и дипломаты, и министры; тогда будут и миссионеры. Я издали вижу их, бодрых и крепких, несокрушимым воинством идущих пенять мир в послушание Христово. Это идет русский народ свершать свою мировую историческую миссию, выше которой нет на Земле. Что за дивное зрелище! Небо и земля совокупно радуются!.. Но будите же скорее русский народ! Уже утро его настает! Пошли Вам Бог сотни Горбовых⁷ // (Л. 82 об.) в соратники, и со всеми Вами да будет крепкая мышца Господня!

Я взял смелость приготовить здесь иконы четырех евангелистов — письма и печати наших христиан. Я был бы весьма счастлив, если бы Вы велели наклеить их на доски, освятить и поставить по экземпляру в Вашей школе, Березовской и Глуховской⁸, для напоминания учащимся нашего (русских и японских православных христиан) общения в вере и молитве. Посылаю еще в эти школы по экземпляру картинок из Священной истории Нового Завета здешнего издания (копия с русского Бахметевой⁹), и для Вас: молитвенник, Часослов и Воскресный Октоих в японском переводе. Книги эти ни к чему не могут Вам послужить, но примите их в качестве приношения от потрудившегося в переводе, в знак его искреннего уважения к Вам.

Прошу засвидетельствовать мое глубочайшее // (Л. 83) почтение Вашей матушке и всем членам Вашего семейства.

Усердно молюсь, да Господь осеняет Своим хранительным покровом Вас, Ваше семейство и Ваши школы!

Всей душой преданный Вам и истинно уважающий,
епископ Николай,
начальник Русской духовной миссии в Японии

Письмо 2¹⁰

Л. 40
29 апреля 1885 г.
Тоокёо
Российская духовная миссия

Высокочтимый Сергей Александрович!

Пользуюсь случаем отправления к Вам письма Вашего крестника, чтобы выразить Вам глубокую благодарность за дозволение моим родным получать из Петербурга денежные посылки чрез Вас. Мне совестно было беспокоить Вас этим, и я адресовал было на Белое и Березовское волостное правление, но, видно, этот путь настолько неудобен, что мои родные решились причинить Вам беспокойство. Прошу извинения в этом, и вместе прошу и на будущее время не лишить нас Вашего доброго расположения // (Л. 40 об.) и дозволения пользоваться Вашим адресом для переписки.

⁷ Горбов Николай Михайлович (1859–1921), русский педагог и публицист. Последователь С. А. Рачинского, открывший несколько сельских школ в Тульской губернии. Автор биографической статьи о Рачинском (Горбов, 1902, 68–107).

⁸ Березовская школа находилась на родине архиеп. Николая, в Березовском погосте Бельского уезда Смоленской губернии. Глуховская школа находилась в с. Глухово Бельского уезда Тверской губернии, в 12 км от Татево.

⁹ Бахметева Александра Николаевна (1823–1901), писательница, автор книг религиозного содержания, неоднократно переведенных Российской духовной миссией в Японии на японский язык. Упомянутое издание «Картинки из Священной истории Ветхого и Нового Завета» не удалось обнаружить при подготовке данной статьи. Без указания года, с пометкой «30 картинок на 13 листах, с текстом», издание упоминается в словаре Н. Н. Голицына (Голицын, 1889, 21).

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 31. Л. 40–41.

19 апреля я получил уведомление от В. К. Саблера, что им посланы, по Вашему поручению, для передачи здесь Вашему крестнику икона преподобного Сергия и книжка «Троицких листков». По получении посылка будет передана согласно адресу, о чем Ваш крестник, конечно, не преминет известить Вас¹¹.

Считаю для себя удовольствием уведомить Вас, что мальчик продолжает вести себя очень хорошо и заметно развивается. Я имел случай ближе узнать его, вместе со всеми // (Л. 41) его товарищами, когда в продолжение отпуска о. Владимира¹² преподавал у них всеобщую историю. Ваш крестник всегда был самым исправным учеником с блестящей памятью и неустанным вниманием. Если он будет продолжать так, и если Бог сохранит его здоровье, то, конечно, будет направлен в академию.

Как Ваше здоровье теперь, дорогой Сергей Александрович? Бережете ли Вы себя достаточно? Бог да хранит Вас, и да дарует бодрость сил — долго-долго нести бремя, взятое на себя!

Л. 41 об.

Прошу засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Вашей матушке и другим Вашим родным, а также о. Петру Маркову¹³.

Примите уверение в искренности, преданности и глубоком уважении,
Ваш покорнейший слуга и недостойный молитвенник
епископ Николай

Письмо 3¹⁴

Л. 172

Российская Дух. Миссия

Япония. Тоокёо.

30 апреля 1886.

Высокопочтимый Сергей Александрович,

Нет нужды изъяснять, как я благодарен Вам за принятие прошлым летом к Вам А. Я. Ивасава¹⁵ на каникулы. А уж он как счастлив, и изобразить невозможно! В одном письме он положительно заявляет, что Платон и Сократ лобызали бы прах ног Ваших, — и нет ни одного письма с прошлогодних каникул, в котором бы он не возвращался к Вам и Татеву // (Л. 172 об.) как к своим любимым темам. Меня больше всего радует то, что Вы у такого маленького бирюка, каким был до сих пор Арсений, сумели найти чувствительнейшие струны и заиграть на них прелестнейшую юношескую песнь, которая, конечно, будет звучать у него целую жизнь и давать мягкий тон его поведению во многом. Ведь это называется развитием и благообразием сердца! Ведь это — половина образования человека, без которой и другая половина, как бы ни была блистательна, — не более как холодная сталь или бряцающая медь!

---

¹¹ Письмо Сергия Сёдни с благодарностью за икону и книжку датируется 5/17 июля 1885 г. (ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 32. Л. 3–4 об.).

¹² Владимир (Соколовский-Автономов Василий Григорьевич; 1852–1931), архиерей Русской Православной Церкви. Член Российской духовной миссии в Японии (1878–1886) в сане иеромонаха, затем игумена (Собрание, 2019, 655).

¹³ Марков Петр Григорьевич (ок. 1826–1899), протоиерей, законоучитель Татевской церковно-приходской школы.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 35. Л. 172–174.

¹⁵ Ивасава Арсений (1863–1943), воспитанник Токийской духовной семинарии. Был отправлен в Московскую духовную семинарию, чтобы завершить духовное образование, затем поступил в СПбДА, которую окончил со званием кандидата богословия. Позднее — профессор Токийской духовной семинарии, переводчик (Собрание, 2019, 660–661).

Л. 173

Продолжите же Ваше дело — такое благородное и, как оказывается, такое благодарное: примите и на эти каникулы моего милого Арсения, — и пусть он, отдыхая умом от академических занятий, растет и укрепляется сердцем в прекрасных и возвышенных чувствах, к которым он, по-видимому, не менее способен, чем к умственным упражнениям.

Ваш крестник прочно занял первое место между своими сверстниками, впрочем, благодаря тому печальному обстоятельству, что настоящий *primò* класса — скоро год — лежит больной. Берет Сергей памятью и навы- // (Л. 173 об.) ком к регулярности занятий; рассуждения пока — детские, стало быть — дело поправимое; растет нетерпимо и щеголяет по праздникам в отличнейшей паре черного сукна, потому что служит стихарным в посольской церкви, значит — имеет своего рода жалование, которым, как изволите видеть, умеет пользоваться совершенно благоразумно, впрочем, надо полагать, отчасти благодаря тому, что отец живет тут же при Миссии, так как на вопрос: «Ты теперь, Сергей, вероятно, уже не любишь сластей, — такой большой вырос?», — отвечает, что «вкус его еще не испортился». // (Л. 174) Во всяком случае, Ваш крестник, даст Бог, — прямо на дороге в Россию.

Прошу передать мой почтительнейший поклон Вашей почтенной матушке и всему Вашему милому семейству.

Господь да сохранит Вас здоровым и бодрым, на радость не одного Татева, а безграничного пространства кругом, до Японской Миссии включительно!

С чувством глубочайшего уважения и истинной сердечной преданности, остаюсь,
Вашим покорнейшим слугою и всегдашним молитвенником,
епископ Николай

Письмо 4¹⁶

Л. 59

28 октября 1887 г.

Токио

Русская духовная миссия

Высокопочтимый Сергей Александрович!

Господь да хранит Вас на благо русского народа!

Пришло время написать Вам касательно Вашего крестника Сергея Сёодзи. Раньше окончания им здесь курса посылать его в Россию для дальнейшего образования, как он желает того, нечего было и думать, — он еще слишком мал был для того. Дело в том, что здесь существует особого рода препятствие к несвоевременному получению аттестата зрелости незрелыми юношами. Препятствие это — китайский язык, которым пользуются японцы // (Л. 59 об.) для своей письменности и который непременно должен изучаться в юности, чтобы не остаться безграмотным на всю жизнь. Много уже здесь молодых людей, вернувшихся из-за границы с хорошим образованием, но пренебрегаемых за то, что не знают своего письменного языка, который не могли изучить именно потому, что уехали за границу маленькими. И для Арсения Ивасава, собственно, рано еще было отправляться в Россию! Тогда для него было самое лучшее время изучения своей письменности. Уехал же он потому, что это было единственно законным способом избавить его от рекрутчины, которой он подлежал вследствие введения здесь всеобщей воинской повинности. Иное дело вот только что вернувшийся в Миссию по окончании курса

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 41. Л. 59–62.

в Киевской // (Л. 60) духовной академии Симеон Мии¹⁷. Он уехал в Россию совсем зрелым в японском смысле, с выработанным навыком хорошо излагать свои мысли с достаточным знанием иероглифов. Это делало его способным и из России присылать сюда отличные статьи для нашего «Церковного вестника»¹⁸, и теперь здесь ничто не запнет его дальнейшего литературного пути. Между тем как Ивасава, по возвращении, вероятно, много еще должен будет упражняться в восполнении своей китайской эрудиции. Но Ивасава достаточно даровит, чтобы одолеть это препятствие, тем более что и до поездки в Россию он писал уже так хорошо, что с небольшими правками его переводные статейки помещались в «Церковном вестнике». Не то с Сергием. // (Л. 60 об.) Он и до сих пор по части китайско-японской письменности не пользуется особенно лестными отзывами учителей. Значит, посылать его в Россию раньше сего по одной этой причине нельзя было.

В июне будущего года он окончит здесь курс семинарии. Но, к сожалению, он уже потерял возможность быть отправленным в Россию на казенное содержание. Успехи его и по наукам семинарского курса в последнее время далеко не соответствовали его прежним успехам. Вероятно, процесс физического развития мешал умственному: за последний год он до того вырос, что сделался рослее всех своих товарищей. Зато в научных успехах отстал от лучших из них. В прошедший 1886/87 учебный год, преподавая в старшем курсе три предмета, я имел возможность близко следить // (Л. 61) за успехами учеников и сравнивать их между собой. Меня сначала крайне удивило, что Сергей начинает отставать от лучших товарищей. Думая, что он ленится, я стал делать ему выговоры, но скоро убедился, что для него просто трудно следовать в уровень с другими. Так он к рождественским экзаменам попал на 4-е место, к Пасхе — даже на 6-е. Три первые ученика после Пасхи уехали в Россию на год в семинарию и потом в академии (двое казенными воспитанниками, один на свой счет), — и как лучшие по наукам, и как, будучи уже в летах, приобретшие достаточное образование в китайско-японской письменности. Теперь Сергей остается 3-м в классе, по праву удерживая за собой это место, но и не имея права на высшее.

Л. 61 об.

Больше из этого курса воспитанников я уже не считаю себя вправе отправить в Россию. Боюсь, как бы неумеренными просьбами не заградить или не стеснить пути для дальнейших курсов. Но и жаль таких юношей, как Сергей, видимо, переживающих еще процесс развития, обречь на прекращение духовного роста с окончанием им здесь курса. В нынешнем старшем курсе таких, для которых очень нужно бы дальнейшее образование, я нахожу вместе с Сергием троих. Двое других имеют здесь довольно состоятельных родственников, которые, быть может, и отправят их на своем содержании в академии. Родные Сергия не в состоянии сделать это, и он если может питать некоторую надежду на продолжение образования в России, так единственно располагая на своего // (Л. 62) крестного отца. Для меня, право, крайне стеснительно писать Вам это. Но вместе с тем я не считаю себя вправе не представить дело в настоящем виде. Вы так обременены воспитанниками в России, что едва ли есть возможность для Вас взять эту новую тяжесть на плечи. И меня нисколько не удивит, если Вы простым оставлением сего письма без ответа дадите знать мне и Сергею, что для него пути в Россию нет.

Если бы Вы нашли желательным определить Вашего крестника в одну из академий, — в какую сами сочтете лучшим, — то я попросил бы у Вас позволения для себя принять посильное участие в Вашем добром деле доставлением Сергею дорожных средств от Токио до одного из академических городов, или на первый раз — до Татевы.

¹⁷ Мии Симеон (японское имя: Доро; 1858–1940), протоиерей. Выпускник Киевской духовной академии (1883–1887). По возвращении в Японию стал преподавать в Токийской духовной семинарии, был ее инспектором.

¹⁸ «Сэйкё-Симпо» («Православный вестник»), периодическое издание Российской духовной миссии в Японии. Выходило два раза в месяц с 1880 по 1912 г.

Л. 62 об.

Усерднейше прошу Вас передать мое глубокое почтение Вашей матушке и всему Вашему почтенному семейству.

С чувством глубочайшего уважения и истинно сердечной преданности имею честь быть,

Вашим покорнейшим слугой и всегдашним богомольцем,
епископ Николай

Письмо 5¹⁹

Л. 73

Русская духовная миссия в Японии

Токио

4 мая 1888 г.

Высокочтимый Сергей Александрович!

Ваше любезное сообщение мне ответа Константина Петровича на Ваше письмо к нему о Сергее Сёодзи весьма упростило дело о нем. Так как казенное содержание для Сергея можно считать обеспеченным, то оставалось пустить его той, уже несколько проторенной дорожкой, какой отправились в Россию за дальнейшим образованием его предшественники. Я так и сделал: на основании предыдущих примеров написал просьбы о Сергее всюду, куда следует, с приложением надлежащих документов. Принят он, даст Бог, будет, и на казенное содержание. Направил я его на год в семинарию (Петербургскую), за год он, во-первых, основательно усвоит русский язык, без чего академические // (Л. 73 об.) лекции будут ему непонятны, во-вторых, созреет и умственно и физически, так как ему всего 18 лет – возраст, при котором академический труд небезопасен, если не считать его заранее бесполезным. По прошествии года он поступит в Петербургскую духовную академию. Итак, официальное дело пошло своим официальным путем, и вперед будет идти безостановочно, если Константин Петрович не отнимет своего благоволения от Миссии. С этой стороны, значит, больше ни Вам, ни мне заботы нет. Для меня, по дальности расстояния, почти совсем устраниются и заботы частные. Для Вас же, добрый Сергей Александрович, круг воспитательных Ваших забот расширяется. Но да будет и Ваша золотая лепта в сокровищнице Божиих благословений для Японской Церкви! Так, очевидно, Богу угодно! Не без Его водительства, конечно, нашел сей юный пришлец путь под Вашу кровлю. Бог же Своей всеильной и всеблаготворительной помощью и да содействует Вам сделать // (Л. 74) все угодное Ему и предначертанное Им для Вашего крестника, и чрез него для здешней Церкви!

Если бы Вам понадобилось поручить что-либо касательно Сергия петербургскому сотруднику Миссии, то вот его адрес: Михайловского Инженерного замка протоиерей Феодор Николаевич Быстров.

Я истинно огорчен был Вашими печальными известиями о столь трудной болезни Владимира Александровича²⁰. Да пошлет Господь утешение Вам и Вашей дорогой матушке!

Усерднейше призывая благословение Божие на Вас, Ваше семейство и Вашу славную школу и свидетельствуя глубочайшее почтение Вам, высокоуважаемой Варваре Абрамовне²¹ и всем Вашим близким, остаюсь,

Вашим преданнейшим слугой и богомольцем,
епископ Николай

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 43. Л. 73–74.

²⁰ Рачинский Владимир Александрович (1831–1888), общественный деятель, живописец. Старший брат С. А. Рачинского. Умер в Татево 17 февраля 1888 г.

²¹ Рачинская Варвара Абрамовна (урожд. Боратынская; 1810–1891), мать С. А. Рачинского.

Письмо 6²²

Л. 191
Российская духовная миссия в Японии
Токио
3 ноября 1889 г.

Высокопочтимый Сергей Александрович!

29 октября я был обрадован Вашим дорогим письмом. Примите глубочайшую благодарность за известие о Сергее Сёодзи, еще более того — за трогательно-добрые Ваши заботы о нем. Только в Татеве он мог провести каникулы с такою пользою для себя — и душевною, и телесною. О последней я получил и из Петербурга известие от тамошнего сотрудника Миссии о. Быстрова, который пишет: «Сергей здоровьем совсем поправился: до каникул был белого бледного цвета, а теперь совсем японского цвета». Что касается до занятий его во время каникул, то в них как нельзя лучше сказался японец, — разумом не совсем дюжинного, — который при благоприятных // (Л. 191 об.) обстоятельствах развертывается в лучшую сторону своей природы. Математика во всех отраслях — любимая наука почти всех учащихся японцев; даже девочки в школе отлично успевают в ней. К рисованию также у японцев замечательные природные охота и способность. Здесь в школе классные доски обыкновенно заняты рисунками, карикатурными и серьезными, которые малюют мелом 12–15-летние артисты. И иной раз так удачно, что, проходя мимо, невольно подивисься ловкости очерка или наглядности сцены, несмотря на то что все это набросано несколькими штрихами, мимоходом, между шалостями. Катихизаторы в письме или священник, отдавая отчет о посещенных им местах, если нужно дать более наглядное понятие о местности, не задумываясь набросают рисунок, где и горы, и дома, и люди являются так же свободно и быстро, как речь, которую рисунок поясняет или которою поясняется. Только в пении японцы не мастера; но здесь в Сергее сказался старый певчий, с раннего // (Л. 132) отрочества росший среди звуков вокальной и инструментальной музыки.

Нужно сказать, однако, что японцы как легко принимаются за занятия, так легко же и откладывают их в сторону, так что по отношению к ним же столь нужна забота, чтобы они разбрасыванием своих сил на разнородные занятия не расстроили своего таланта по мелочам. Пусть Сергей в дни отдыха занимается так же разнообразно, как ныне занимается: иконописцем и музыкантом, наверно можно сказать, он не сделается, и от прямого своего назначения — служить водворению здесь богословской науки и Православной Церкви — не отвлечется. Но то несомненно, что его занятия живописью и музыкой разовьют в нем эстетическое чувство и изящный вкус и, таким образом, приготовят в нем еще лучший фон, или, правильнее, — более плодотворную почву для водворения и внедрения богословия и церковности в нем самом, не говоря уже о том, что воспитают в нем адвоката этих искусств, // (Л. 192 об.) что по отношению по крайней мере к церковной музыке здесь очень нужно.

Впрочем, в следующие годы, если Сергей будет иметь счастье проводить каникулы также в Татеве, весьма желательно, чтобы он особенно учил то занятие, которое у Вас поставлено последним, — именно помогать Вам в Ваших работах в саду. Это, быть может, даст ему возможность хоть маленькую, едва заметную, крупицу Ваших научных сокровищ по ботанике занести сюда, хотя бы в виде нескольких практических сведений и приемов, которые он мог бы потом приложить и употребить здесь.

Ваш лестный отзыв о Петербургской духовной академии очень меня радует; радует также то, что Сергей будет иметь товарищем в академии одного из Ваших

²² ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 49. Л. 191–194.

нужно свести критику каиния, - полагающиеся впрочем
 берсергово полагаются каини (каковая критика во
 все же в своем виде похвалит), - чтобы не принимал
 добра от доброго товарища, или наоборот
 не издевался правительством ввиду от дурного.
 Смысл остается только сказать, чтобы Ваши во
 спешающий не лишиться своей дружбы Сергия,
 который, к сожалению еще, очень тихий и
 вникает вникать похвала.

Ваша шестая семья, - как Господи любви
 берсергово возмущает и протестует: это - это
 мое семейство мое, вступает в семейство
 людей, кувшином и сидит русскими и право
 славянским; Ваши же "семьи", - у нас есть, чтобы
 "увеличить"; Ваши "дети", к счастью, далеко не
 друзья, что для Вас может еще вовсе не
 время "недурно", а напротив, самая игра
 только правления и происхождения Ваших
 детей - и на этот, и широко кружит, каково
 бы разрабатывалась кружок широкий и широкий
 волею.

воспитанников²³. Важно иметь добрых, хорошо влияющих воспитателей в школе, но не менее, если не более важно доброе товарищество, так как влияние товарищества во время школьной жизни — постоянное, никогда не прерывающее<ся>, — и // (Л. 193) нужно быть крепче камня, поддающегося влиянию беспрерывно падающей капли (каковая крепость вовсе не в свойствах юности), — чтобы не принять добра от доброго товарища, или наоборот, не потерпеть нравственного вреда от дурного. Мне остается только желать, чтобы Ваш воспитанник не лишил своей дружбы Сергея, который, к тому же еще, очень мягкий и впечатлительный юноша.

Ваша школьная семья, дай, Господи, чтобы беспрерывно возрастала и процветала. Это — пламенное желание мое, вместе с миллионами людей, чувствующих себя русскими и православными. Ваши же силы, упаси Бог, чтобы убывали, Ваши годы, к счастью, дают надеяться, что для Вас теперь еще вовсе не время недугов, а, напротив, самая пора полного проявления и действия Ваших сил, — и на месте, и широко кругом, наподобие разрастающихся кругов широкой и глубокой волны.

Л. 193 об.

А. Я. Ивасава с успехом профессорствует в семинарии и катихизаторской школе; больше он сам известит Вас о себе, так как сим пишется к Вам²⁴.

При всем желании поехать в Россию, к глубокому прискорбию моему, не могу сделать этого, ибо нет дня, которые могли бы оправдать мою отлучку из Миссии; притом же на дорогу очень много времени тратится. С нетерпением мы все, русские здесь, ждем постройки Сибирской железной дороги, которая приблизит нас к милому нашему Отечеству.

Прошу Вас засвидетельствовать мое глубочайшее уважение высокопочтенной матушке Вашей, Варваре Абрамовне, и всем близким Вашим.

С искренне-сердечной молитвою, чтобы благословение Божие всегда почивало на Вас, Вашем почтенном доме, Вашем неизмеримо важном народо-воспитательном подвиге и на всех предприятиях и делах // (Л. 194) Ваших, остаюсь,

Вашим преданнейшим слугой и всегдашним богомольцем,
епископ Николай

Письмо 7²⁵

Л. 1

Российская духовная миссия в Японии

Токио

15 апреля 1895 г.

Высокоуважаемый Сергей Александрович!

К глубокому сожалению, воспитанник наш Сергей Никодимович Сёодзи оказался по своему характеру несколько не соответствующим своему назначению, и ныне уже не состоит здесь на церковной службе. Как ни прискорбно, но считаю излишним, на всякий случай, написать Вам об нем правду, хотя очень не хотелось бы опечаливать Вас.

Еще будучи в академии, он просил меня дать ему средства остаться в России по окончании курса, для усовершенствования в пении и живописи, зная очень

---

²³ Васильев Александр Петрович (1868–1918), протоиерей, духовник царской семьи, законоучитель детей царя Николая II. Воспитанник школы С. А. Рачинского в с. Татево. Выпускник СПБДА (1893).

²⁴ Указанное письмо Ивасава к С. А. Рачинскому при подготовке этой публикации найти не удалось.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 75. Л. 1–8.

хорошо, что по пению и иконописи здесь есть специалисты, и его служба по сим частям не нужна. Из этого уже можно было догадываться, что цель его поездки в Россию ушла у него из вида. По приезде сюда первое, что он сделал, — это попросил у меня // (Л. 1 об.) денег в долг для уплаты его заимствований в России: «Не могу-де по своему положению обходиться тем, что получал, — бывал у герцогини такой-то и проч.». Я простил ему 50 рублей, заимствованных им из миссийских сумм, и сказал, что прочее он может выплатить из своего жалования, которое здесь ему, как и прочим академистам, 30 ен (1 ен = 1 руб. 33½ коп. металлических). Затем все академисты, по прибытии сюда, обыкновенно спешат приняться за службу Церкви, так что приходится иногда удерживать их на время и советовать повидаться с родными, отдохнуть и осмотреться несколько. Сергей Никодимович, напротив, прямо устремился в военную службу, под предлогом исполнения воинской повинности, — хотя ученым здесь охотно мирволят и дают уклоняться от военной службы. Он хотел, однако, поступить «для своего телесного развития», по-привилегированному, только на год. Так как для этого надо было приготовиться к довольно основательному экзамену, между прочим, по китайско-японской литературе, то я не стал противиться его желанию, думая, что его обязательные занятия будут со // (Л. 2) временем полезны для его службы Церкви. Но Сергею Никодимовичу скоро надоели серьезные занятия, и чтобы не попасть на службу простым солдатом, на три года, он поспешил прекратить свои военные приготовления. Но на службу Церкви он тем не менее не спешил. «Хочу путешествовать по Японии, ибо я еще не знаю моего Отечества». Согласился я и на это, думая, что и это не бесполезно для будущего церковного служения. Но по недостатку средств, или по другим причинам, по достаточном медлении, отложено было и это. И Сергей Никодимович, наконец, предоставил себя на служение Церкви. С общего совета учителей-академистов, даны были ему классы самые легкие, которые не требовали домашних занятий по приготовлению к ним, а давали ему свободу для занятий дома восполнением своего китайско-японского образования, ибо все находили, что Сергей Никодимович при значительном даре красноречия не может выражать себя письменно, по своей незрелости в китайско-японской письменности. Все крайне сожалели об этом и торопили его скорее восполнить // (Л. 2 об.) свой недостаток, так как затеяли издание «Синкай»²⁶, учено-религиозного органа именно корпорации академистов. Классные его занятия — преподавание русского языка только что поступившим ученикам и грамматики другим, — оказались такими, что на экзамене к концу прошедшего года невозможно было не поставить ему на вид его малоуспешности. Занятия его по самообразованию были таковы, что товарищи его никогда не добились от него, ни прямо, ни через меня, ни строчки для журнала «Синкай». Поручена была ему еще проповедь в городе, отчасти по его собственной просьбе, — плода не оказалось ни на йоту. Готовил он проповеди для произнесения в соборе, месяца в два одну; но, тогда как каждый из его товарищей всегда старается приготовить свою очередную проповедь возможно лучше, между прочим, для чести своего имени, Сергей Никодимович обыкновенно приносил ко мне для просмотра набросанные на клочках бумаги мысли и обрывки мыслей, более годные для речи вне церкви, или даже ни к чему не годные.

Л. 3

Такова была его служба Церкви, пока он служил.

Перехожу к части совсем неожиданной, и тем более прискорбной. Он прежде был почтительным сыном своих родителей, что сказывается и в известной его статье, обработанной и напечатанной с Вашей помощью в России²⁷; и можно ли было

²⁶ Ежемесячное издание «Синкай» («Духовное море») стало издаваться Российской духовной миссией в Японии с октября 1893 г. и содержало в основном материалы апологетического характера.

²⁷ Речь идет о брошюре Сергия Сёдзи «Как я стал христианином», которая была издана в 1892 г. (Сёдзи, 1892). Предисловие к книге было написано С. А. Рачинским.

предполагать, что он окажется иным по приезде из России, по получении высшего образования? Между тем это оказалось. Отец его много лет жил здесь, при Миссии, учителем китайско-японской письменности для малолетних семинаристов, и в последнее время гувернером их. Трогательно было видеть, как он, уже престарелый, с палочкой в руках идет в церковь, а за ним по два в ряд его питомцы, или как он в классе наставляет их и иногда журит. Он отличается необыкновенною добротою и мягкостью, и его шумливое стадо нисколько его не боялось, но зато любило как отца. Не редкость бывало застать в классе, как в то время, когда он, окруженный толпою малышей, выправляет их иероглифы // (Л. 3 об.) и показывает, как правильно и красиво писать, другие, под шумок его речей, наскучив выводить одни и те же каракули, принимаются рисовать уток, ворон и т. п., или вступают между собой в интимные, а иногда в воинственные собеседования. Но стоило ему поднять голову и сказать: «тише, тише, дети», — как все принимались за свое дело. Четверо сыновей его, кроме Сергея, и замужняя дочь, — все люди обеспеченные, рады были бы, чтобы отец жил с ними, но ему нравилось жить в школе и приносить по мере сил своих пользу. Мать же попеременно жила у кого-либо из семейных детей. Сергей, как самый малый в семье, был особенным любимцем отца и матери, и они с нетерпением ждали его возвращения. По приезде он жил сначала при Миссии; потом перешел на квартиру, и взял к себе отца и мать. Я и товарищи уговаривали его не отрывать старика от любимого его занятия; не послушался: «Я составлю для него кружок любителей шашечной игры, и он будет жить в покое и удовольствии».

Л. 4

Но, увы, он не только не доставил своим родителям успокоение, а напротив, сделался и для них, и для всей своей семьи предметом крайнего огорчения! Не прошло и месяца, как он стал ссориться с стариками, — «ворчат-де» (за то, что он мало делом занимается), а потом и совсем ушел от них. Рассорился также со всеми своими братьями до того, что видиться с ними не мог. Так продолжалось до конца прошедшего года. Пред рождественскими праздниками родные его, опасаясь за его нравственность и доброе имя там, где он жил, попросили меня дать ему помещение в Миссии. Я это сделал, и принялся было воодушевлять его к деятельности: кроме классных занятий, мол, свои частные занятия по китайско-японской литературе, с приглашенным для того ученым (если уж не хочет со своим отцом, что было бы всего лучше, но на предложение чего он всегда сильно морщился), пение и музыка, — инструментов и аккомпанемента тут же сколько угодно, — кстати, // (Л. 4 об.) один из регентов только что вернулся из Петербурга, где учился в Императорской капелле²⁸; наконец, живопись, — убеждал его написать, на всегдашнюю память о себе, иконы в классные и все другие комнаты в Миссии. Мог он продолжать и преподавание кому-то в городе игры на скрипке и русского языка. Компания ему — родные братья с их семействами и кругом их знакомых, товарищи-академисты, тоже уже почти все семействами, наконец, русские в посольстве. Словом, предполагалась для него сфера мыслей, чувств, занятий и людей, по-видимому, совершенно свойственных ему и по роду, и по воспитанию. Он как будто соглашался на все это, и перешел в Миссию, и все мы были очень рады тому. Но также, увы, ненадолго! Не успел он еще хорошо расположиться в Миссии, как приходит ко мне с таким предложением: «Отошлите о. Сергия, (единственного здесь, кроме меня, миссионера и настоятеля посольской церкви, молодого неженатого священника) в Россию, — он учинил большое преступление», и, действительно, взвалил // (Л. 5) на него страшное обвинение. «Доказательства есть?» — «Есть». Оказалось, однако, что доказательств ровно никаких; исследование — негласное, но тем не менее тщательное, — производилось не только

²⁸ Кису Иннокентий (1866–1951), воспитанник Токийской духовной семинарии, регент. По окончании Токийской семинарии поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию.

мною, но и японскими священниками, и его товарищами-академистами, потому что Сергей Никодимович не удержался, чтобы не распустить слух широко. И все пришли к одному заключению, что на обвиняемого взносится клевета. Сергей Никодимович тем не менее продолжал настаивать на обвинении. Был ли он бессознательным орудием шантажистов, видневшихся из-за его плеча, или же сознательно искал предлога разорвать с Миссией, но чем дальше, тем настойчивей он твердил свое, и наконец, заявил категорически, что «он не может-де служить Церкви, в которой наравне с ним служат такие нечистые люди», — и ушел из Миссии в город. Можете быть уверены, что недостатка в убеждениях и уговорах ему не было. Отец и мать много плакали; братья объявили, что он для них больше не брат, // (Л. 5 об.) если изменит своему назначению. Товарищи всячески убеждали его, я истощил все средства остановить его. Три раза он подавал мне прошения об увольнении его от службы Церкви; и на мое заявление, наконец, что я не считаю себя и вправе уволить его, как воспитанного не мною, а Церковью, на службу Ей, он ответил: «В таком случае я сам себя увольняю», — и прекратил занятия в семинарии. И после того я еще пытался уговаривать его, но все оказалось тщетным. Расстались мы с ним, однако, мирно, и я сказал ему, что во всякое время двери мои и миссийские открыты для него, но с тех пор, с половины января, я его ни разу не видал. Вот Вам печальная повесть о нашем милом Сергее. Природные свойства его, к несчастью, совсем не таковы, чтобы он мог служить Церкви. Пока он был мал и слишком мягок, можно было ласкою и убеждением направлять его, и он казался хорошим и благонадежным. Когда же почувствовал некоторую окрепность, — эти мягкие средства оказались недостаточными // (Л. 6) для обуздания его инстинктов. Железные бы удила на него, строгую дисциплину вроде военной, — тогда бы его самовольство, упрямство, легко изменяемость были сдержаны и направлены по определенному руслу, и из него вышел бы небесполезный человек, а теперь что из него выйдет, Бог весть! Верно только то, что для службы Церкви он навсегда потерян. Дай Бог, чтобы не был потерян для Царствия Божия!

Впрочем, не для того только, чтобы о нем рассказать, я принялся за письмо (для него одного, вернее всего, я не стал бы огорчать Вас сим писаньем); есть же у меня просьба к Вам — удостоить Вашим знакомством еще одного японца, и частичку того расположения, которое Вы питали к Сергею, перенести на него. Это такой же воспитанник академии, каким был Сергей, но с свойствами, даст Бог, лучшими. Имя ему Иван Акимович Кавамото²⁹. Он ныне оканчивает курс в Киевской духовной академии. Отправлен он был в Россию, по окончании здесь курса, собственно, с назначением // (Л. 6 об.) поступить в Медико-хирургическую академию, чтобы Миссия имела со временем своего врача. Но живя год в Петербургской духовной семинарии, чтобы подготовиться по русскому и латинскому языкам, он передумал и попросился в Духовную академию. Так как здесь, в Миссии, при достаточном уже количестве учителей, нет еще хорошего, с душевным призванием, педагога для ведения воспитательного дела, то я предложил господину Кавамото посвятить себя для восполнения сего недостатка. Он согласился; только просит (согласно моим же внушениям ему в письме) оставить его, по окончании курса, в России на несколько месяцев для специального приготовления к предназначенному ему служению. Но всего лучше, прочтите здесь его собственное письмо ко мне; я приложил это письмо именно потому, что он<о>, без дальнейших моих объяснений, лучше всего может познакомить Вас с писавшим. Как изволите видеть, он надеется на заимствование педагогических знаний и опытности от Вас. И вот по этому-то поводу я взял смелость ныне писать к Вам // (Л. 7) и убедительнейше

²⁹ Кавамото (с 1897 г. — Сэнума) Иоанн Акимович (японское имя: Кавамото Какусабуно; 1868–1953), выпускник Токийской духовной семинарии. После ее окончания был отправлен в Россию, где окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию. В 1895 г. окончил КДА. По возвращении в Японию — преподаватель и ректор Токийской духовной семинарии (Собрание, 2019, 554–555).

просить Вас: будьте добры показать ему все, как есть, Ваше воспитательное дело и рассказать, как ведется оно, и снабдите его теми наставлениями, которые сочтете полезными для него. Пусть все, что увидит и услышит он, напечатается у него в голове и сердце. Быть может, у него окажется и чуткость природы, чтобы хоть крошечку схватить и унести сюда секрета Ваших педагогических успехов. Ах, какое трудное дело — воспитательная часть! До сих пор вот сколько сотен людей прошло пред моими глазами, и ни единого человека я не усмотрел, который бы мог быть вполне достойным педагогом!

Оттого здесь семинария и катихизаторское училище малоуспешны. А хотелось бы расширить дело, открыть семинарию и для язычников, и сколько бы нашлось родителей, которые захотели бы дать своим детям, кроме умственного, прочное нравственно-религиозное воспитание! Но для этого нужно наперед снабдить семинарию надежным воспитателем, который бы душу свою // (Л. 7 об.) полагал на дело свое, разумным дисциплинатором, который бы твердою рукой вел за собой, а не шел сам по ветру учащейся и всякой другой ветреной толпы. Самое лучшее у нас заведение — женское, и это потому, что нашлась разумная воспитательница, которая день и ночь думает и хлопочет о своих питомцах. Почти семьдесят лет ей от роду, и могла бы она покоить свою старость у своих хорошо поставленных детей или богатых родных, но не дозвется ее к себе никто из них. Потому что дороже всего на свете ей её большая семья — 80 учениц и десятков наставниц. Не вьется так чайка над своим гнездом, как она над своей школой: с 5 часов утра она на ногах, и никто не засыпает позднее ее; ни одна малая рыбка не попадет в котел без того, чтоб она сама не осмотрела ее: избави Бог, окажется гнилая и у какой-нибудь ученицы живот заболит. Ни у одной ученицы не появится прореха на платье без того, чтоб она не заметила ее прежде всех и, коли ученица бедная, не выхлопотала бы ей нового платья. Зато // (Л. 8) же ни у одной ученицы и учительницы, думаю, не найдется никакого секрета на душе, который бы они сами не открыли своей начальнице; и уж конечно, ни у одной нет никакого свойства, которое бы она не подметила, не изучила и не старалась воспитать, если оно хорошо, или исправить, если дурно. Во всем, в школе, вы видите полный порядок, но не натянутый, а живой и естественный, — строгую дисциплину, но не принужденную и наложенную тяжелым ярмом, от которого всегда норовят увернуться, а обратившуюся в простую благовоспитанность. Ученицы, и большие, и малые, нисколько не стесняются своей Анны-сан³⁰ (г-жи Анны), — как они просто зовут ее, — шумят и резвятся около нее совершенно так же, как дома около доброй и ласковой матери. Но в то же время вы можете быть уверены, что ни одной из них и в голову не придет сделать что-нибудь не позволенное или не нравящееся ей, хотя из своих домов иные пришли довольно распущенными. Никогда не бранит она учениц, — просто говорит с ними как мать; // (Л. 8 об.) но и одного серьезного взгляда ее достаточно, чтобы остановить самый резвый спор или не нравящееся ей действие, — так любят и вместе так боятся ее.

Вот с такими бы свойствами нам воспитателя для семинарии! Вот такую бы любовь к педагогическому делу вложил Бог в сердце Ивану Акимовичу, равно как такие же и другие качества: искусство, такт, справедливость, твердость и проч.! Но при всем этом также весьма важно и нужно знание теории и опыта других. Помогите же, ради Бога, нашему будущему педагогу в приобретении сего знания! Я напишу ему непременно посетить Вас на несколько дней; окажите ему ласку и помощь в том, за чем он приедет! Положите Ваш камень и в создание нашей нематериальной церкви, как положили в созидание нашего собора!

Кстати, я, кажется, еще не послал Вам вида нашего собора (на который Вы сделали пожертвование в 1880 г.). Простите, пожалуйста, эту запоздалость; ныне прилагаю здесь внешний и внутренний фотографические виды.

³⁰ Канно Анна (японское имя: Хидэко; 1820(?) — 1899), начальница женской школы при Русской духовной миссии в Японии, служила в этой должности на протяжении 24 лет.

Л. 9

Препровождаю вместе с ними и японский Служебник, недавно напечатанный; взгляните и помолитесь, чтобы Господь Бог поскорее дал широкое распространение сей книги в сей стране.

Господь да хранит Вас в здравии телесном и крепости душевной на многие-многие годы, и да помогает Вам в Вашем великом педагогическом служении нашему дорогому Отечеству!

Примите уверение в искреннейшей сердечной преданности и глубоком почтении,

Вашего покорнейшего слуги и богомольца,
начальника Российской духовной миссии в Японии,
епископа Николая

P. S. Прошу передать мой душевный привет и глубокое уважение Вашим почтенным родным, а также батюшке о. Петру Маркову.

Письмо 8³¹

Л. 84

Российская духовная миссия в Японии

Токио

26 сентября 1900 г.

Высокоуважаемый Сергей Александрович!

Я имею сведение, что в родном моем селе Березе школа есть, но в каком она состоянии — хорошо ли помещение, достойный ли человек учитель, достаточно ли снабжена учебными пособиями, и проч., — ничего этого не знаю. Во всяком случае помощь ей, вероятно, нелишняя. Мне хотелось бы оказать ей эту помощь, — именно, я хотел бы жертвовать на нее получаемую мною орденскую пенсию 200 рублей в год.

Беру смелость обратиться к Вам с усерднейшей просьбой: не оставьте Вашим участием — указать целесообразное употребление этой суммы. Я в точности последую Вашим указаниям: ежегодно к назначенному // (Л. 84 об.) Вами сроку будут высылаться из Петербурга сотрудником Миссии, протоиереем Феодором Николаевичем Быстровым, 200 рублей, по адресу Вами указанному, для употребления на те школьные статьи, на которые Вы определите. Ассигновка начнется с нынешнего года.

Я напишу к о. Быстрову, чтобы он, получивши из казначейства мою пенсию за нынешний год, имел ее наготове к отсылке по Вашему указанию.

Ради Бога, простите, что я прибавляю к Вашим трудам и заботам, которых у Вас и без того многое множество. Но для блага Березовской школы и церкви будьте великодушны не оставьте моей просьбы без исполнения.

Препровождаю к Вам, вместе с сим, книжку протоколов нашего Собора нынешнего года, с некоторыми сведениями, // (Л. 85) означенными по-русски.

Свидетельствую Вам глубочайшее почтение и душевную преданность, имею честь быть,

Вашим покорнейшим слугой и богомольцем,
начальник Российской духовной миссии в Японии,
епископ Николай

³¹ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 116. Л. 84–85.

Л. 64

18 марта 1901 г.

Токио

Русская духовная миссия

Высокочитимый Сергей Александрович!

Письмо Ваше я получил в день Нового года, и оно было для меня лучшей праздничной радостью, как потому, что Вы приняли благосклонно мою просьбу, так и по добрым известиям о развитии школьного дела в нашем уезде. Благодарю вас от всей души за Вашу заботливость дать возможно полезное употребление моему маленькому пожертвованию. На постройку же здания для Жиглицкой школы³³, для начала чего дела, прошу иметь и мою пенсию первого года получения ее, т.е. 1899-го. Я пошлю о. Феодору Быстрову 200 рублей для // (Л. 64 об.) препровождения на построчное дело, по Вашему указанию. К высылке же 200 рублей за 1900 г. он приготовлен, как уже извещил меня, и ждет только адреса, по которому выслать. Дальнейшие ежегодные высылки такой же суммы будут без замедления производимы в назначенное Вами для того время.

Дай Бог Жиглицкой школе доброго учителя, и хоть в самой малой мере такие школьные плоды, какие явила Татевская школа!

Боже, как подумаешь, что за необъятное значение имеет сельская школа! Велика и обширна Россия, шестую часть света занимает она; и на каждом клочке ее в 3–4 квадратных версты водятся вот такие бриллианты, какие открыты Татевской школой, и отшлифованы ныне в виде священнослужителей, учителей и под., — нужно только открыть их и отделать при помощи Церкви (без чего бриллианты, блеснув, // (Л. 65) тотчас же тускнут или сгорают черным углем). Будь Россия покрыта густой сетью школ, подобных Татевской, как заблистала бы она в мире!

Вы представить себе не можете, как живя за границей, страдаешь за недостатком людей для общественной деятельности в России. Взять хотя бы миссионерское дело. Посмотрите, — прилагаю нарочно статистический лист, — сколько сотен миссионеров, протестантских и католических, выслали сюда европейские государства и Америка. Православных означено четыре; но из них один — исключительно священник посольства, другой — псаломщик посольства, учащий в Миссии только церковному пению, третий — в прошлом году приехавший и пока годный лишь на исправление церковных треб для русских в Нагасаки³⁴, я — тоже какой миссионер! Я переводчик для Церкви, вдобавок и отлучиться никуда не могу из Токио. Итак, православных миссионеров, // (Л. 65 об.) можно сказать, ни одного нет. На дело Православия — ни одного! В Европе и Америке для него не сотни, а тысячи нашлись бы! А тут, сколько ни просишь, сколько ни ждешь, — никого! Отчего это? Конечно, оттого, что людей нет. А нет их оттого, что русский народ еще не развит, наличного образованного класса едва хватает на службы для самой России, — за границу кого же посылать? Иное дело будет, когда вся необъятная масса русского народа даст из себя деятелей. А это будет тогда, когда она будет образована. Итак, развитие массы — вот что насущнейшая потребность России: повсеместное заведение школ, и именно наподобие Татевской, — вот что самое нужное для нее ныне.

Все это более, чем кем-либо в России, прочувствовано Вами. Я говорю только к тому, чтобы показать, что и между служащими за границей Вы имеете не менее горячих последователей Ваших // (Л. 66) идей о сельской школе, чем Ваши многочисленные последователи и ценители их в России.

³² ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 119. Л. 64–66.

³³ Жиглицкая школа находилась в деревне Жиглицы Бельского уезда Смоленской губернии.

³⁴ Вениамин (Галузев), игумен, член Российской духовной миссии, прибывший в Японию 3 февраля 1901 г. До этого — инспектор Благовещенской духовной семинарии.

Да благословит же Господь процветанием и Жиглицкую, и все другие сельские школы, как Вашего ведения, так и всех других, и да умножит их без числа по всему лицу дорогого Отечества нашего!

Да продлит Господь на многие годы еще и Ваше здоровье и Вашу жизнь для служения величайшему русскому делу!

Всей душой преданный Вам и благодарный за внимание к моей просьбе,
Ваш покорнейший слуга и богомолец,
епископ Николай

Письмо 10³⁵

Л. 49
18 мая 1901 г.
Токио
Русская духовная миссия

Высокоуважаемый Сергей Александрович!

Примите глубочайшую благодарность за последнее Ваше письмо. Оно, действительно, принесло немалое утешение после весьма грустных известий из России, злобно разносимых и на все лады повторяемых иностранными телеграфами и прессой.

Истинно счастлив мыслью, что существование Жиглицкой школы в ее собственном здании обеспечено. И может ли быть иначе, когда Вы приняли такое горячее участие в ее судьбе!

Л. 49 об.

Ваше намерение поручить школу благодатному покрову великого вселенского Святителя, Мирликийского Чудотворца Николая также меня очень обрадовало. Постараюсь прислать икону святителя Николая для помещения в классной зале, когда здание будет готово.

Да даст Господь и в Жиглицкой школе святителя Николая производиться таким серьезным беседам, какие производятся в Татевской!

Божие благословение да осеняет всегда Вас и все Ваше дело!

Всею душой преданный Вам и глубоко уважающий Вас,
покорнейший слуга Ваш и всегдашний богомолец,
епископ Николай

Авторы выражают благодарность Ирине Владимировне Ушаковой, исследователю творчества С. А. Рачинского, без благосклонной помощи которой не была бы написана эта статья.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 120. Л. 49–49 об.

Источники и литература

Источники

1. Голицын (1889) — *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1889. 308 с.
2. Горбов (1902) — *Горбов Н. М. С. А.* Рачинский // Журнал министерства народного просвещения. 1902. Ч. СССXXXIV. С. 68–107.
3. Дневники т. 4 (2004) — Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 4. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/dnevnik-tom-iv/6 (дата обращения: 20.05.2024).
4. ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 230. Оп. 4418. Д. 1. Л. 107.
5. ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 631. Ед. хр. 32. Л. 3–4 об.
6. Рачинский (1883) — *Рачинский С. А.* Заметки о сельских школах. СПб.: Синодальная типография, 1883. 127 с.
7. Рачинский (1885) — *Рачинский С. А.* Sursum corda! // Русь. 1885. № 14. С. 5–7; № 15. С. 4–6.
8. Рачинский (1901) — *Рачинский С. А.* Absit omen. М., 1901.
9. Рачинский (2019) — *Рачинский С. А.* Absit omen // *Рачинский С. А.* Народная педагогика / Сост. и предисл. И. Ушакова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Русская цивилизация, 2019. 624 с. URL: http://rusinst.ru/docs/books/S. A. Rachinskiy-Narodnaya_pedagogika.pdf (дата обращения: 25.05.2024).
10. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1422а. Л. 25.
11. Сёдзи (1892) — *Сеодзи С. Н.* Как я стал христианином: Рассказ Сергея Сеодзи // [Предисл.: С. Рачинский]. СПб.: Синод. тип., 1892.
12. Собрание, т. 1 (2022) — Собрание трудов равноапостольного Николая Японского: в 10 т. Т. 1: Официальная переписка (1860–1883). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Николо-Угрешская духовная семинария, 2022. 498 с.
13. Собрание, т. 2 (2018) — Собрание трудов равноапостольного Николая Японского: в 10 т. Т. 2: Официальная переписка (1884–1912). М.: Изд-во «ПЕНАТЫ И КНИГА», 2018. 584 с.
14. Собрание, т. 3 (2019) — Собрание трудов равноапостольного Николая Японского: в 10 т. Т. 3: Письма (1860–1911). М.: Изд-во «ПЕНАТЫ И КНИГА», 2019. 756 с.
15. Собрание, т. 4 (2020) — Собрание трудов равноапостольного Николая Японского: в 10 т. Т. 4: Дневники (1870–1888). М.: Николо-Угрешская духовная семинария, 2020. 780 с.
16. Собрание, т. 6 (2023) — Собрание трудов равноапостольного Николая Японского: в 10 т. Т. 6: Дневники (1896–1899). М.: Николо-Угрешская духовная семинария, 2023. 936 с.

Литература

17. Гордеев, Климова — *Гордеев Д., свящ., Климова А. А.* Николай (Касаткин Иван Дмитриевич; 1836–1912), архиеп. Японский, равноап. (пам. 3(16) февр.) // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2565636.html> (дата обращения: 24.05.2024).
18. Кузьмина (2023) — *Кузьмина И. В.* Выбор начальника Токийской духовной семинарии: анализ письма Иоанна Кавамото (Сэнума) святителю Николаю Японскому // Угрешский сборник. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Вып. 14. М.: Николо-Угрешская духовная семинария, 2023. С. 122–129.
19. Николай Оно (2018) — *Николай (Оно), иером.* Святитель Николай Японский и ежегодные соборы Японской Православной Церкви в период ее становления // Угрешский сборник. Труды преподавателей и магистрантов Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Вып. 9. М.: Изд-во «ПЕНАТЫ И КНИГА», 2018. С. 66–74.

20. Орехов (2018) — *Орехов А., диак.* Сергей Александрович Рачинский в истории миссии Русской Православной Церкви: магистерская диссертация. Дзержинский, 2018. URL: http://old.nurpds.ru/images/book/Mag2018/orehov_a.pdf (дата обращения: 26.05.2024).
21. Павлович (2015) — *Павлович Н. А.* Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай. Жизнеописание. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 144 с.
22. Савчук (2022) — *Савчук Р., священник.* Святой равноапостольный Николай Японский: Жизнь и труды. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. 304 с.
23. Сухова (2014) — *Сухова Н. Ю.* Православие в Японии и российские духовные академии (1880–1910-е гг.) // Угрешский сборник. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Вып. 4. М.: Изд-во ПЕНАТЫ, 2014. С. 78–97.
24. Ушакова (2024) — *Ушакова И. В.* Не ремесло, но призвание. Семья Рачинских в истории российского образования. URL: <https://svyatye.online/articles/obrazovanie/ne-remeslo-no-prizvanie-semya-rachinskikh-v-istorii-rossiyskogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 14.05.2024).